

Ирма Грушевицкая

НЕЧТО БОЛЬШЕЕ...

УДК 82-3
ББК 84
Г91

Г91 **Грушевицкая И.**
Нечто большее... / Ирма Грушевицкая – М.: Литнет, 2025. – 250 с.

ISBN 978-5-521-94681-5

Когда закрывается одна дверь, всегда открывается другая. И если набраться смелости и войти, может оказаться, что за ней тебя ждёт нечто большее... Для свадебного путешествия Бет выбрала замечательное место. Но откуда ей было знать, что окажется она там вовсе не с женихом.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94681-5

© Литнет, 2025
© И. Грушевицкая, 2025

Глава 1

- Твои сраные камни не подходят для моего сраного замка!
- Мама, он опять ругается!
- Билли!
- Чего сразу Билли-то?

Действительно, чего сразу: камни и вправду выглядят кучей спрессованных коровьих лепёшек и не подходят к замку из белоснежного флоридского песка, выполненному в лучших традициях Гауди.

Интересно, какова вероятность, что лежащая на соседнем шезлонге мать скандалящих близнецов знает, кто такой Гауди. Или где находится Барселона. Судя по протяжным гласным и громкому голосу уроженки Техаса, можно со стопроцентной уверенностью сказать, что забраться на сотню миль южнее Таллахасси для неё равносильно полёту на Луну. Чего уж говорить о Европе.

- Джейн, оставь брата в покое. Билли, закрой рот.
- А пусть она уберёт свои сраные камни от моего сраного замка!

В пять Генри тоже обожал ругаться. Моя сестра Мэгги приходила от этого в ужас. Рик, её муж, говорил, что это даёт о себе знать шотландская кровь Макайверов, и втайне гордился сыном. Долг обязывал меня быть на стороне сестры, но уж очень изобретательно ругался маленький Генри Макайвер.

Он придумал клан МакГадов: любой, кто так или иначе становился на его пути, не соглашался, перечил, заставлял делать то, что делать не хотелось, причислялся к МакГадам. Сейчас Генри уже десять, и «макгады» канули в лету вместе с песочными замками и щербатой улыбкой на веснушчатом личике.

Я не видела его уже несколько месяцев и очень соскучилась и по Генри, и по его младшей сестрёнке Роуз. Может, стоило воспользоваться приглашением Мэгги и погостить неделю в Хэмптонсе, где племянники проводили лето?

Сожаление оказалось мимолётным: я находилась в нескольких тысячах миль от Нью-Йорка, и шанс встретить знакомых практически равнялся нулю. Именно от их взглядов, иногда сочувствующих, но чаще смущённых, я и забралась так далеко от дома. Необходимо было побыть в одиночестве, чтобы понять, что делать дальше со своей жизнью. Ведь, если бы всё пошло так, как я когда-то планировала, это был бы наш с Джеймсом медовый месяц.

С Джеймсом Стюартом мы познакомились в университете. Оба изучали право, оба были амбициозны настолько, чтобы ставить карьеру превыше всего. Думаю, именно это качество стало решающим, когда после стажировки мы были приглашены на работу в одну из престижных юридических фирм Нью-Йорка. Джеймс специализировался на финансовом праве, мне же была предложена должность в консультативном отделе «Рассел Консалтинг».

Мы сняли хорошую квартиру недалеко от Центрального парка и оба согласились повременить с покупкой дома до рождения детей. В том, что это когда-нибудь случится ни я, ни Джеймс не сомневались.

Мы наслаждались жизнью. Престижная и перспективная работа, прочное материальное и социальное положение, уверенность в нашей любви друг к другу.

Нас называли красивой парой. Ни одна вечеринка не обходилась без того, чтобы кто-нибудь из друзей или коллег не заговаривал о нашей скорой свадьбе. Джеймс традиционно отвечал, что для любящих сердец условности не важны и на этих словах традиционно клал руки мне на плечи. Я же традиционно выражала полное с ним согласие. Но видя, как счастлива в браке моя сестра, всё чаще задумывалась над тем, чего мы с Джеймсом друг друга лишаем.

По современным меркам Маргарет вышла замуж довольно рано. К двадцати у них с Ричардом уже было двое детей. Генри, их пер-

венец – мой любимец. Роуз родилась на год позже, но в раннем детстве малышкой нередко принимали за близнецов. Красивые, ясноглазые, белокурые – эти ангелочки обладали непростыми характерами. Вместе с Мэгги и Риком я с удовольствием проходила через все стадии их взросления. Иногда, после очередного визита племянников, я начинала делать Джеймсу недвусмысленные намёки.

– Скоро мне предложат место ведущего партнёра, дорогая. Тогда и подумаем.

Ведущее партнёрство откладывалось на год, потом ещё и ещё. Разговоры о детях начали раздражать Джеймса. Со временем я вовсе перестала поднимать эту тему, полностью сосредоточившись на карьере.

Нам было по двадцать семь, когда Джеймс решил заняться политикой. Он поставил перед собой цель стать самым молодым сенатором штата и смело к ней шагал. Руководство фирмы оказывало ему полную поддержку. Я понимала, что со дня на день следует ждать предложение руки и сердца: приверженность традиционным американским ценностям – движущая сила любой политической карьеры. И нельзя сказать, что я была этому не рада.

Вечерами, втайне от Джеймса, я просматривала туристические проспекты, планируя медовый месяц. Он должен был стать нашим первым совместным отпуском за два года, и я ждала его едва ли не больше, чем саму свадьбу.

Я готова была пожертвовать шикарным торжеством, требующим многомесячной подготовки, согласившись на маленькую церемонию для самых близких. Не нужны были ни оркестр, ни приём в «Плазе», ни многоярусный торт и платье от Веры Вонг – мне был нужен только мой Джеймс. В последнее время мы отдалились друг от друга: он поздно приходил домой после переговоров и консультаций, я же, заслужив долгожданное повышение, только начала осваиваться в новой должности начальника отдела. Я приходила в ужас от того, что не помнила, когда последний раз засыпала в объяти-

ях Джеймса. Несколько недель горячего секса под знойным небом Флориды были для нас жизненно необходимы. Небольшой отель в архипелаге Флорида Кис с песчаными пляжами, уютными бунгало и тёплым лазурным морем мог стать замечательным началом нашей совместной жизни в качестве мужа и жены.

В тот день Джеймс вернулся домой раньше меня. Одного этого было достаточно, чтобы заподозрить неладное.

Стоя на кухне, он смотрел в окно и лениво покачивал в руках бокал с вином. На нём всё ещё был деловой костюм, что тоже выглядело не совсем обычно.

– Ты рано.

Подойдя, я обняла Джеймса за талию и с удовольствием прижалась к его спине.

– Я соскучилась!

Джеймс разжал мне руки и развернулся.

– Надо поговорить.

Мой взгляд встретился с его пронзительно-синими глазами, и я как-то сразу поняла, что случилась катастрофа. За шесть лет жизни с Джеймсом Стюартом я хорошо его изучила.

Ещё несколько мгновений я тешила себя надеждой, что причина его нервозности – маленькая бархатная коробочка в кармане пиджака. Сейчас он её вытащит, и всё закончится.

– Хочешь выпить?

Обойдя меня, Джеймс взял с барной стойки бутылку и плеснул себе ещё вина.

Внутри у меня всё сжалось. В желании ободрить скорее себя, чем его, я сделала шаг вперёд.

– Милый, что бы ни случилось, вместе мы справимся.

Но оказалось, что справляться я буду одна. Стоя на кухне, где по выходным мы вместе готовили завтрак, я ошеломлённо слушала, как любимый мужчина называет наши отношения «изжившими себя».

Джеймс говорил, что мы никуда не двигаемся. Что у нас нет развития. Что наша совместная жизнь – «притворство и потакание детской привычке». Что прежние чувства и страсть безвозвратно ушли. И во всём этом он винил исключительно меня.

– Твои амбиции и мечты всегда ставились во главу угла. Ты никогда не интересовалась, чего хочу я.

Оказывается, он хотел довольно обычных вещей. Чтобы дома его ждала заботливая жена, вкусный горячий ужин, тёплая постель, а слух согревал топот маленьких ножек.

Я содрогалась под его словами, как от боксёрских ударов.

– Но ты же сам говорил, что необходимо подождать!

– Кто хочет, тот ищет возможности. Кто не хочет – причины.

– Значит, мне всего лишь надо перестать пить таблетки?

– Если бы ты действительно так сильно хотела детей...

Впервые в жизни я была на грани обморока.

– Это жестоко, Джеймс!

– Мне жаль.

В те минуты я ещё очень сильно его любила, поэтому не думала о гордости. И не понимала того, что решение уже принято.

– Пойдём в кровать! Я люблю тебя и хочу от тебя ребёнка!

Внезапно Джеймс побагровел и швырнул бокал с недопитым вином в противоположную стену.

– Ты не понимаешь! – закричал он. – Ты никогда ничего не понимала!

Он впервые повысил на меня голос. Я отшатнулась, в испуге ухватившись за краешек стола. Никогда я не видела Джеймса в подобном состоянии. Тому человеку, которого я знала, истерика была несвойственна.

Пришлось очень сильно постараться, чтобы скрыть панику в голосе.

– Я и вправду мало что поняла из того, что ты сейчас наговорил. Давай, после разберёмся, для чего ты это сделал. Но я твёрдо уверена, что люблю тебя, и мы обязательно преодолеем этот кризис.

– Это не кризис, Элизабет! Всё кончено!
– Прекрати это повторять! Ничего не...
– Она беременна! В общественном положении, которое я собираюсь занять, иметь незаконнорожденного ребёнка – верх легкомыслия.

Вот так сухо и без эмоций мою жизнь спустили в унитаз.

Совсем вычеркнуть Джеймса из жизни у меня не получалось. Всё-таки нас многое связывало, и в первую очередь – работа. Даже если я не видела его в течение дня, обязательно находились те, кто в разговоре, так или иначе, упоминал его имя. Потом обязательно следовал виноватый взгляд и извинения. Мне хотелось провалиться под землю, но я обязана была делать вид, что меня это нисколько не задевает. Проявляла чёртово здравомыслие. Держала лицо. Хотя, уверена, кое-кто с удовольствием бы понаблюдал, как я его теряю.

Особенно тяжело приходилось на неофициальных мероприятиях. Если бы можно было пропускать все эти многочисленные приёмы и деловые обеды, я непременно воспользовалась бы этим правом. Но новая должность обязывала придерживаться корпоративных правил. К сожалению, Джеймс и его теперь уже официальная невеста тоже их придерживались.

– Не знаю, как вы держитесь, дорогая Элизабет! Привести эту женщину сюда, где так много ваших друзей!

Лил Тиммерсон, давняя знакомая по юридической ассоциации, сочувственно качала головой.

Я смотрела на середину зала, где в окружении беседующих коллег Джеймс с удовольствием поглаживал всё ещё плоский живот своей невесты.

Мне бы очень хотелось сказать, что она была некрасива или что её манеры оставляли желать лучшего, но это было не так. Виктория Гарретт происходила из обеспеченной семьи с корнями и тради-

циями, имела прекрасное образование и по всем параметрам подходила на должность жены будущего сенатора больше, чем я.

Мне же нечего было предложить Джеймсу, кроме своей любви. Мой отец был шефом полиции в Нью-Джерси, а мама все силы положила на наше с сестрой воспитание. Правда, Ричард Макайвер, муж Мэгги, из тех самых Макайверов, чьи предки когда-то первыми приплыли в Америку на «Мейфлаузере». Но Риксу не было дела до семейной истории, как и до семейных же денег. Он работал спортивным журналистом и занимался этим делом с присущей несостоявшемуся спортсмену страстью. Вся жизнь моего зятя делилась на сезоны хоккейной и баскетбольной лиг.

Рыжие кудри Виктории рассыпались по плечам, когда, дёрнув головой, она заливисто засмеялась. Джеймс присоединился к ней, и вскоре все взоры присутствующих были обращены на их группу.

– Какая красивая пара! – раздалось за моей спиной.

Знакомые слова. И, к моему великому сожалению, я не могла с ними не согласиться. Белокурый голубоглазый Джеймс в традиционном для подобного мероприятия смокинге и роскошная Виктория в облегающем зелёном платье с гривой потрясающих рыжих волос составляли идеальную пару.

Повернув голову, Виктория оставила на щеке Джеймса лёгкий поцелуй. Его ответная полуулыбка и нежный взгляд были хорошо мне знакомы. Когда-то точно так же его целовала я. Только для этого мне приходилось вставать на носочки.

Сердце предательски заныло, и, пробормотав извинения, я поспешила удалиться.

Запрещая себе раскисать, я лихорадочно жала на кнопку вызова лифта.

Мэгги права: необходимо что-то кардинально менять. Джеймс Стюарт был моей первой и единственной любовью. Единственным мужчиной, которого я знала. Я прекрасно понимала, что не так-то легко будет справиться со своими чувствами, особенно когда наши

пути постоянно пересекались. Можно уехать, начать всё с начала, но для меня – девчонки из Хакенсака, штат Нью-Джерси, Нью-Йорк стал мечтой, которая осуществилась. Моя жизнь была здесь: работа, друзья, семья. Мой дом. А я не хотела лишаться дома.

И карьеры лишаться тоже не хотела. Я занималась тем, что любила и умела делать. И в том, чего я достигла, была не только моя заслуга. Целеустремлённость, смелость в принятии решений, уверенность в своих силах – всему этому меня учили родители. Так где же эти качества теперь, когда они больше всего мне нужны?!

Лифт приехал, когда борьба со слезами была почти проиграна.

Я с облегчением вошла внутрь обитой деревянными панелями кабины.

В последний момент двери снова раскрылись, впуская ещё одного пассажира.

Я едва успела опустить голову, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Вам первый? – произнёс мужчина.

– Да, пожалуйста.

Краем глаза я заметила ровные стрелки на его тёмных брюк. Спускаясь на классические чёрные туфли, они создавали идеальный залом в передней части лодыжки. Для достижения этого эффекта, Джеймс был вынужден выбирать ботинки, надевая брюки от того костюма, с которым собирался их носить. Обувь у него была едва ли не больше, чем у меня, и я частенько над ним подтрунивала, называя «мистером Брэдшоу»...

Только когда слёзы начали капать на тёмно-зелёное ковровое покрытие лифта, я поняла, что снова плачу.

– Возьмите.

Перед лицом оказался белый накрахмаленный платок.

Поколебавшись лишь мгновение, я взяла его, вытерла глаза и от души высморкалась.

– Спасибо.